

УДК 655.322(09) + 655.418(09) + 2-29

И. В. Починская

**МОСКОВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.:
АДАПТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОФИЦИАЛЬНОМ КНИГОПЕЧАТАНИИ***

Рассматриваются процессы адаптации Московской синодальной типографии (до 1721 г. Печатный двор) к новым условиям существования, сложившимся вследствие реформ Петра I. На основе анализа архивных материалов прослежены обстоятельства перехода кириллического книгопечатания от дотационной формы существования к самоокупаемости; от монопольного его господства на рынке печатной продукции к бытованию в рамках своей культурной ниши.

Ключевые слова: Россия, кириллическое книгопечатание, Синод, Московская синодальная типография, Печатный двор, церковь.

Раскол русской культуры, уходящий корнями в церковную реформу середины XVII в., в период преобразований Петра I вступил в новую фазу. Начался активный процесс вытеснения традиционной культуры из жизни общества. Наиболее быстро и ярко это происходило в сфере книжности. Во всей полноте традиционная книжная культура сохранялась и развивалась, как известно, оказавшись вне закона старообрядчеством. У сторонников официальной церкви эта культура, постепенно сокращая свою среду бытования, сохранялась преимущественно среди церковнослужителей. Напуганная размахом старообрядческого свободомыслия, официальная церковь установила жесткий контроль за текстами и репертуаром кириллических книг, окончательно сделав единственной формой их бытования печатную книгу, за которой было довольно легко следить, четко определив узкий круг выпускавших ее типографий.

Секуляризационная политика Петра I, затронувшая и сферу книгопроизводства, была направлена на выведение книгоиздания из-под абсолютного контроля церкви. Важнейшими этапами на этом пути стали разработка гражданского шрифта (1706—1708) и создание светских типографий.

Наборными кассами гражданских литер со времени появления нового шрифта были обеспечены и Печатный двор, и вновь учрежденные правительством типографии: В. О. Киприянова в Москве (открыта в 1705), Санкт-Петербургская (1711), при Сенате (1719 — в Петербурге, 1728 — в Москве), Морской академии (1722). В конце 1725 г., вскоре после учреждения Академии наук, начала работать и ее типография. Созданная в 1720 г. типография при Александро-Невском монастыре располагала только кириллическими шрифтами. Все эти полиграфические заведения, с одной стороны, помогали Печатному двору справляться с расширявшимся репертуаром изданий, а с другой — составляли ему конкуренцию.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках проекта «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», 2009-1.1-301-072-017.

В 1727 г. Верховный тайный совет постановил оставить в Петербурге только две типографии — сенатскую (для печатания указов и распоряжений) и академическую (для издания гражданских книг). Остальные книгоиздательские учреждения были закрыты (синодальная и Александро-Невская типографии в 1736 г. возобновили свою работу), а право издавать церковные книги в этот период имела только типография Синода в Москве [см.: Описание документов и дел, т. 4, № 387/16, с. 593]¹ — так с 1721 г. стал называться Печатный двор.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. монополия кириллической книги, производство которой контролировалось церковью, была ликвидирована. Однако внедрение гражданской печати проходило непросто. Довольно долго светское книгоиздание было малоэффективным, так как отсутствовал достаточный спрос на светскую литературу в силу неразвитости систем образования и книготорговли. Потребление новой печатной книги сосредоточилось главным образом в столицах, в первую очередь в Петербурге. Причем широкое распространение имели лишь издания законов, манифестов, календари, инструкции и т. п. Поскольку внедрение нового шрифта в провинции шло медленно, наиболее важные государственные документы печатались двумя шрифтами.

Только ко второй половине XVIII в. стал складываться круг потребителей гражданской печати, сформировались новые интеллектуальные интересы и запросы общества [см.: Сводный каталог]. Это определило дальнейшее развитие светской книги, сделав ее выразительницей меняющихся во времени настроений и взглядов различных общественных групп. Между тем официальная кириллическая книга остановилась в своем развитии, ограничившись преимущественно обслуживанием интересов церкви, ориентированных на отправление культа и укрепление религиозного сознания. В репертуаре кириллических изданий появлялись новые, ранее не издававшиеся сочинения, но они не меняли целевой направленности этой продукции. Сокращение среды бытования не могло не отразиться на реализации изданий и соответственно на финансовом положении типографий, выпускавших кириллические книги.

Изменение книгоиздательской политики в стране сказалось на отношении власти к Печатному двору. В 1700 г. умер патриарх Адриан, с уходом которого прервалось патриаршество в России. Местоблюстителем патриаршего престола был назначен митрополит Рязанский и Муромский Стефан (Яворский) [см.: ПСЗ, № 1818]. Параллельно с утверждением этой должности был воссоздан Монастырский приказ [Там же, № 1829]. В ведение приказа перешел и Печатный двор. С учреждением в 1721 г. Синода управление всеми типографиями, в том числе Печатным двором, передали ему. Для этого была создана Типографская контора и введена должность протектора школ и типографий. Первым протектором стал один из крупнейших церковных деятелей начала XVIII в. архимандрит Ипатьевского монастыря Гавриил (Бужинский) [см.: Описание ..., т. 1, № 402/12, с. 532—533].

¹ В своей работе мы пользовались публикацией извлечений из «Описания документов...», подготовленных А. А. Гусевой, поэтому в примечаниях даны ссылки на страницы этого издания [см.: Гусева].

Новые структуры, в ведение которых переходила типография, не уделяли ей такого внимания, как патриархи в XVII в. При местоблюстителе патриаршего престола ситуация еще не была критической, хотя тенденция уже прослеживалась. Особенно сложным положение типографии стало в начале синодального периода. С момента возникновения книгопечатания в России выполняло идеологические функции, отвечающие интересам государства, до XVIII в. от него не требовали прибыли, напротив, оно было дотационным. В своей записке 1728 г. «О типографском впредь состоянии» директор Московской типографии Ф. П. Поликарпов-Орлов писал: «...Типография отнюдь ниоткуда себе снабдения не имеет, а прежде получала снабдение от дома патриархов, а после них от управителей патриаршего дома многожды и многими тысячами токмо бы станов не умалить и книгами всех удовлетворить...» [Описание ... , т. 6, № 267/305, с. 612; Браиловский, № 10, с. 274]. Заметим, что в своей работе о Поликарпове-Орлове С. Браиловский впервые предпринял попытку разобраться в причинах кризиса кириллического книгоиздания, опираясь на архивные материалы, в первую очередь на многочисленные докладные записки и отчеты Ф. П. Поликарпова.

Несмотря на то, что потребность в кириллической печатной книге в начале XVIII в. вряд ли могла существенно уменьшиться по сравнению с концом XVII в., источники фиксируют ее залежалость на складах типографии [см.: Описание ... , т. 1, № 402/12, с. 534; т. 5, № 25/11, с. 602; т. 6, прил. к № 216/16, с. 623]. Причиной этого в значительной степени являлся рост цен на издания. Ф. Поликарпов объяснял его целым рядом обстоятельств. Во-первых, стала регулярной практика бесплатного изъятия Приказом Большого двора довольно крупных партий книг, выходявших из печати, и стоимость забранных книг прибавлялась к стоимости тех, что поступали в продажу.

Кроме того, Московская типография вынуждена была отправлять в Петербург для создаваемых Синодом новых типографий не только выпускаемые ею книги, но и оборудование, материалы, которые приобретались на собственные средства, а также посылать туда своих сотрудников.

С 1711 г. на типографию также были возложены обязанности по содержанию школ, находившихся в ведении Монастырского приказа, и эти расходы тоже учитывались при установлении цен на книги.

В дополнение к этому, когда поступали распоряжения государя печатать книги гражданским шрифтом, но средств на них своевременно не выделялось, приходилось использовать деньги, предназначенные для кириллических изданий [см.: Браиловский. № 10, с. 276–284].

Попытки снизить цены на книги и сделать производство самокупаемым заставляли власти сокращать количество печатных станков и обслуживающих их работников, уменьшать жалование персонала.

В 1706 г. по распоряжению главы Монастырского приказа Мусина-Пушкина количество станков типографии было сокращено с 12 до 8. В 1721 г. их число увеличили до 14: кириллические книги печатали на 11 станах, гражданские — на двух и гравюры — на одном. Но в январе 1725 г. было велено оставить в работе для печатания кириллицы только четыре стана с шестью

работниками при каждом вместо прежних 11 [см.: Описание ... , т. 4, № 387/16, с. 596; Полное собрание ... , т. 4, № 1467, с. 933²; Браиловский, № 10, с. 270—274]. В декабре 1725 г. убрали еще два стана — по одному для гражданской печати и гравюр [см.: Описание ... , т. 5, № 25/11, с. 602].

Однако проводимые мероприятия не давали желаемых результатов. В одном из своих доношений 1727 г. Поликарпов, прося восстановить бригады у станов по 11 человек, обосновывал это следующим образом: «Мастеровых убыло, а интересу казне не прибыло: прежде работали в две смены по четыре дня, четыре дня работали, а потом четыре дня отдыхали, а ныне все восемь дней, работая без перемены, из силы вытянулись, и многие захворали, а переменить их некем, от чего и дело книжное “не прозрачно, полусловно и марашковато бывает”» [Там же, т. 6, № 267/305, с. 611].

В 1703 г. наполовину было сокращено жалованье, и с 1703 по 1721 г. оно выдавалось не в форме оклада, а по договору с выработки. В 1721 г. работники опять стали получать жалованье в виде твердого оклада одними деньгами (раньше оклад выплачивался и деньгами, и зерном). В 1726 г. к станам было добавлено по два тередорщика и по два батыйщика, потому оклады всех работников существенно уменьшились. В 1729 г. их немного повысили, и только в 1732 г. они вновь достигли размеров 1721 г. [см.: Там же, т. 10, № 363/409, с. 656].

Уменьшить расходы типографии власти пытались не только за счет ремесленников при станах, но и за счет сокращения конторских служащих. В начале 1726 г. реорганизация управления типографиями сопровождалась следующей акцией. В указе сокращения объяснялись так: «...ради настоящей в типографиях скудости, отчего и дела в них весьма умалились... чтоб в даче излишняго жалования напрасной казне утраты не происходило; но могли б весь тех типографий штат, со всеми их служителями, по потребе содержать из собственных типографских доходов, которые должны оне собирать для себя и довольствоваться каждый по пропорции трудов своих» [Там же, с. 534].

Архимандрит Гавриил (Бужинский) после назначения в 1721 г. на должность протектора школ и типографий развернул активную деятельность по наведению порядка во вверенной ему сфере. Одним из результатов этого стало обвинение руководства Московской типографии в финансовых нарушениях. Директор типографии Федор Поликарпов был обвинен еще и во взяточничестве и отстранен от должности [см.: Браиловский, № 9, с. 27—29].

Однако успешной работу Гавриила на новом поприще назвать трудно. В одном из донесений Синоду конца 1723 г. он писал о том, что слышит нарекания в свой адрес, «будто в выходе книг есть неисправа и книги печатаются не так чисто, как прежде, и будто типографии после того как приняты в его заведывание, пришли в “конечное разорение”, хотя он “против прежняго многое положил тщание”, чтобы привести типографию в лучшее состояние» [Описание ... , т. 1, № 402/12, с. 533]. Пытаясь снять с себя обвинения в выпуске некачественной продукции, Бужинский замечает, что «никаких книг вновь печатано

² В своей работе мы пользовались публикацией извлечений из «Полного собрания...», подготовленных А. А. Гусевой, поэтому в примечаниях даны ссылки на страницы этого издания [см.: Гусева].

не было, а только окончены книги, начатые при прежних правителях, а именно при Иване Алексеевиче [т. е. Мусине-Пушкине], Ф. Поликарпове и Михаиле Авраамове, и теми же литеррами, какими были при них печатаны» [Там же]. Плачевное положение дел в подведомственных ему типографиях Гавриил объяснял, с одной стороны, отсутствием своевременного и необходимого финансирования, с другой — своей обремененностью обязанностями советника Синода. На протяжении всего периода пребывания на посту протектора Гавриил просил Синод освободить его от этой работы или хотя бы сократить обязанности. Такое отношение к делу конечно же не могло привести к каким-то заметным положительным результатам в реорганизации книгопроизводства. Наконец, в 1726 г. должность протектора была ликвидирована [см.: Там же, с. 534].

Ф. Поликарпов, посвятив четыре года доказательству того, что не все выдвинутые против него обвинения справедливы, после ухода в отставку Бужинского все-таки добился в 1726 г. возвращения на прежнюю работу. Вернувшись на пост директора типографии, он застал ее на грани полного разорения. Несмотря на то, что Поликарпов действительно был «не чист на руку» в ведении финансовых дел, он, видимо, искренне переживал за типографию, с которой была связана вся его жизнь, и прилагал немало усилий для поддержания не только ее работоспособности, но и статуса первой русской типографии. Занимавший пост директора типографии в 1724—1726 гг. Г. И. Замятнин был профессиональным чиновником, до назначения на эту должность он работал в камор-коллегии по акцизным делам [см.: Полное собрание ... , т. 4, № 1308, с. 927]. Замятнин, видимо, весьма формально подходил к своим обязанностям и недостаточно хорошо разбирался в порученном ему новом деле. В доношении канцелярии Московской синодальной типографии начала 1725 г. говорилось, что типография «пришла уже ныне во всеконечное оскудение и ни в чем исправляться не может» [Описание ... , т. 5, № 25/1, с. 601]. По подсчетам канцелярии для нормального функционирования типографии необходимо было на новый год более 20 тыс. рублей, а денег в казне не было вообще [см.: Там же].

В 1726 г., после увольнения Замятнина, в казне типографии оставался 71 рубль наличными, долги ей со стороны расходчиков (работников типографии, занимавшихся закупками необходимых ей материалов, реализацией продукции) составляли около 20,5 тыс. руб., а со стороны Синодальной канцелярии и Петербургской синодальной типографии — около 22 тыс. рублей. Как уже отмечалось, число действующих станков сократилось к тому времени до пяти. При типографии официально числился лишь один справщик [Там же, т. 6, № 267/305, с. 610—613; Браиловский, № 10, с. 269]. Работникам выдавали жалованье не деньгами, а книгами, и они продавали их по ценам ниже установленных типографией, что затрудняло сбыт основной части тиражей [Описание ... , т. 4, № 168/484, с. 588]. Кроме того, в 1724 г. было обнаружено, что мастеровые, «кроме указных книг, печатали многия на себя книги, а сторожи те книги продавали воровски, вместо государевых, и деньги делили по себе для своих прибытков» [Браиловский, № 10, с. 269].

В начале 1727 г. свой проект вывода Московской типографии из кризиса предложил В. В. Киприанов, сын создателя первой светской типографии в Рос-

сии В. О. Киприанова, просивший сдать ее ему в аренду на 20 лет. Свою просьбу он сопроводил, говоря современным языком, «бизнес-планом», по которому типография должна была превратиться в прибыльное предприятие. Повышение ее доходности предполагалось осуществить за счет целой системы мер. К их числу принадлежало расширение выпуска листовой гравированной продукции: «свидетельствованных картинок, персон, ландкарт, прешпектов городов и протчего к народной пользе и ведению приличное; понеже за неимением здесь такого довольнаго художества, всякия картины вывозятся из чужих краев» [Описание ... , т. 4, № 168/484, с. 588]. Предприниматель предлагал наладить выпуск переводной литературы, для чего хотел подключить к делу Славяно-греко-латинскую академию, оплачивая должным образом работу переводчиков: «...от чего труждающиеся в переводе практике обучатся. К тому ж авантаж и поощрение для воздаяния, а типографии прибыток, а народу польза от умножения многих книг иметь будут», — находит Киприанов [Там же, с. 589]. Он считал необходимым организовать клеймение специальным клеймом всей продукции типографии для того, чтобы «кражи от типографских служителей и непотребных продаж не было» [Там же].

Важнейшим способом повышения доходности типографии, по мнению В. Киприанова, являлось снижение стоимости книг, что должно было привести к улучшению их продаваемости. Он называет и конкретные источники снижения цен на издательскую продукцию: отменить пошлины с продажи книг; сократить число сотрудников типографии, непосредственно не занятых в книгопечатании (канцелярских служителей, солдат); запретить безденежную раздачу книг: «понеже откуда было ждать прибыли, то, во-первых, в поднося разойдутся» [Там же]; закупать бумагу для типографии на государственных или частных русских предприятиях по цене ниже, чем на импортную бумагу, с оплатой в рассрочку и только в крайних случаях, если не будет необходимой отечественной бумаги, закупать импортную. От этого, по мнению автора проекта, будет двойная польза «заводам обращением денег, а типографии дешевою продажею книг» [Там же].

В. В. Киприанов просит на первые три года освободить его от арендной платы, а затем до конца срока аренды обязуется ежегодно вносить в казну 1 тыс. рублей и полностью содержать типографию.

Конференция Сената и Синода рассмотрела и одобрила предложение Киприанова. Его реализация, вероятно, ускорила бы вывод типографии из кризиса. Однако по каким-то причинам проект так и не был осуществлен [см.: Там же, с. 590—592]. Возможно, дело было остановлено из-за активных действий Поликарпова, который был уверен в том, что типография сможет наладить эффективное производство, оставаясь в прежнем статусе, если ей будут возвращены все долги. Только на протяжении 1727—1728 гг. он не менее шести раз доводил до Синода свое «мнение о типографском впредь состоянии» [см.: Там же, т. 6, № 267/305, с. 610—612]. Результатом этой работы Поликарпова, видимо, следует считать постановления Синода о расширении прав директора типографии в финансовых вопросах с одновременным ограничением функций расходчиков, деятельность которых, по мнению Поликарпова, являлась одним из

главных факторов дестабилизации положения типографии [см.: Полное собрание ... , т. 6, № 2265, с. 954; т. 7, № 2479, с. 962].

Как видим, формирование новой системы взаимоотношений светской и духовной властей сопровождалось поиском устраивающих государство механизмов управления церковью, который выразился в бесконечном реформировании управленческих структур и, конечно, тяжело сказался на внутренней жизни церкви. Обремененная налоговыми недоимками [см.: Смолич, с. 247], она не могла себе позволить существования в своих недрах такого нерентабельного предприятия, каковым являлось книгоиздание. Кроме того, в условиях смены старых культурных традиций, определявших развитие общества, новыми перед набравшим силу светским книгоизданием кириллическая книга, а следовательно, и главная типография, выпускавшая ее, сдавали свои позиции. По сути, церковное типографское производство должно было само найти алгоритм выживания в сложившихся условиях, адаптироваться к ним. Мероприятия руководства Московской типографии по выведению ее из кризиса, в котором она находилась с начала XVIII в., очень медленно давали свои результаты. Этот сложный болезненный период занял всю первую треть XVIII в.

Очевидно, только в начале 30-х гг. XVIII в. типография окончательно перестала быть убыточной. К концу 1734 г. остаток в казне типографии составил 19 316 руб. 65 $\frac{1}{4}$ коп., в 1735 г. — 20 855 руб. 16 $\frac{1}{2}$ коп. [см.: Описание ... , т. 15, № 58/5, с. 700] В конце 1730-х гг. доходы казны хотя были ниже, но стабильны. Это позволило начать постепенное расширение производства, увеличивая количество станов, возвращая на работу сотрудников [см.: Там же, т. 18, № 590/6; № 595/12; т. 20, № 219/456, с. 713–714, 718, 720].

Важнейшим этапом укрепления типографии стали 1740-е гг. Начало этого периода связано с деятельностью архимандрита Новоспасского монастыря Антония (Иляшевича), назначенного суперинтендантом типографии в апреле 1741 г. [см.: Там же, т. 21, № 223/9, с. 758–761].

Антонием был разработан и представлен на рассмотрение Синода план работ, направленных на улучшение ситуации в типографии. По-прежнему важнейшей оставалась проблема книгораспространения. Антоний следующим образом характеризовал сложившуюся ситуацию. С одной стороны, в типографии оставалось много непроданных книг прошлых лет выпуска, среди них проповеди, симфонии, лексиконы, каноны, множество книг гражданской печати; с другой, храмы нуждались в книгах общественного богослужения, псалтырях, часовниках, святцах. Их дефицит, на его взгляд, в значительной степени создавался искусственно, при участии руководства типографии, которое делало это «для своей бездельной прибыли и корысти» [Там же, с. 759]. Как пишет Антоний, издание особо нужных книг специально тормозилось, а те тиражи, что выходили, большими партиями продавались перекупщикам, перепродававшим их в Москве на Спасском мосту в два-три раза дороже типографской цены. По мнению Антония, необходимо было немедленно начать выпуск литературы, пользующейся спросом. Для этого нужно было три дополнительных стана, организовать адресную поставку книг — продавать их по непосредственным заявкам с мест представителям архиерейских домов или развозить через

типографских нарочных по городам и ярмаркам страны, установить контроль за продажей книг на Спасском мосту с помощью солдат, наделив их правом конфискации незаконно продаваемых книг [см.: Описание ... , т. 21, № 223/9, с. 759—760]. Для пресечения краж в типографии суперинтендант намеревался «поставить военные караулы на воротах и не пропускать выходящих с “малейшей вещью”» [Там же, с. 760].

Антоний видел необходимость в проведении публичных торгов по закупке материалов для типографии, в особенности бумаги. Введение такого порядка позволило бы существенно снизить себестоимость книг. Он просил установить строгий список праздников, в которые разрешен отдых, поскольку у работников типографии было слишком много выходных дней.

Среди намеченных Антонием первоочередных задач указана уборка территории типографии, потому что «великое на печатном дворе имеется от нечистот запустение; двор внутри полон навозу, щеп и всякой дряни, так что навоз почти с оградой сравнялся (много тысяч возов будет, не менее 500 р. за вывозку возьмут)» [Там же]. Необходимы были и срочные ремонтные работы: «В погребке, где хранится олифа, стена от улицы вывалилась, под правильною палаткою стена развалилась, — опасно, чтобы и верхняя палаты не тронулись...» [Там же].

В плане Антония стояла и просьба разрешить ему (для ускорения рассмотрения некоторых вопросов) обращаться напрямую в Синод, минуя канцелярию. Предлагал он также и схему ликвидации скоплений непроданных книг, важнейшим пунктом которой была продажа книг гражданской печати, не утративших товарный вид, путем обязательной рассылки в учреждения, где они должны быть востребованы.

В целом Синод одобрил план Антония и дал ход большинству его мероприятий. Деятельность Антония в качестве суперинтенданта была весьма успешной. В 1744 г. он был награжден денежной премией за увеличение доходов Московской типографии: в 1743 г. ее приход составил 23 521 руб. 32 коп., из них 22 557 руб. 37 коп. — за счет книжных продаж [см.: Там же, т. 23, № 87/19, с. 779—780].

Реализации планов Антония по увеличению доходности типографии способствовали и намерения нового обер-прокурора Синода Я. П. Шаховского (1741—1753) повысить образовательный уровень церковнослужителей, который он считал недопустимо низким. В своем предложении Синоду в мае 1742 г. Шаховский писал, что вновь поставляемые священнослужители «в догматах веры и в толковании Божественного Писания неискусны». Поэтому обер-прокурор просил Синод издать указ, требующий, чтобы они «не единому только чтению и пению по книгам знать тщились, но и паче ж здравому разумению и правому толкованию в догматах веры и о прочих закону нашему подлежащих утверждениях заблаговременно познавали и для того б изданные и разосланные книги — букварь и толкование евангельских заповедей и катехизис — в самую тонкость изучали б и правильно по ним о догматах веры знали... а где в епархиях и в прочих местах у священно- и церковнослужителей вышеписанных книг недовольно, то б оных... в Московской типографии повелено б напечатать довольное число и за настоящую цену разослать в каждое место по

препорции из Св. Синода при указах, дабы все приходския церкви теми книгами снабжены... были» [Там же, т. 22, № 403/8, с. 768–769]. Это способствовало активизации издания и рассылки требуемых книг.

С 1744 г. типография стала каждые полгода издавать реестры выходящих книг с указанием цены. Выпуск реестров стоял в ряду мероприятий по борьбе со спекулятивной продажей книг [см.: Полное собрание ... , т. 4, № 720, с. 1004].

Увеличение денежных оборотов типографии заставило ее руководство в 1747 г. просить Синод назначить в нее специалистов для ведения финансовых дел, двух комиссаров из коллегии экономии. В 1754 г. из-за нехватки комиссаров при типографии был оставлен только один, но ему в помощь синодальной конторой был направлен человек в должности актуариуса [см.: Описание ... , т. 23, № 346/13, с. 788–791].

К середине 1750-х гг. оборотный капитал типографии превышал 70 тыс. руб., и если в 20–30-е гг. XVIII в. основной статьей расходов было жалованье, то к середине века преобладающими стали затраты на материалы и инструменты [см.: Там же, т. 32, № 63/12, с. 852–856; т. 34, № 68/9, с. 869]. В 1740–1750-е гг. активно проводился не только ремонт, но и строительство новых помещений типографии [см.: Там же, т. 23, № 91/1, с. 780; т. 29, № 456/1, с. 813–815]. К концу 1750-х гг. типография работала уже на 20 станах, вводились в действие еще шесть, а также планировалось дальнейшее увеличение их числа [см.: Полное собрание ... , т. 4, № 1716, с. 1057–1058]. В 1759 г. Синод принял решение об открытии торговых лавок типографии за пределами Москвы — в Петербурге, Казани и Тобольске [см.: Описание ... , т. 39, № 96/9, с. 893–900]. Все эти факты несомненно свидетельствуют о том, что Московская типография, производство которой перешло на рельсы эффективности и стабильности, сумела выйти из кризиса.

Таким образом, можно говорить, что к середине XVIII в. официальное производство печатных кириллических книг, пройдя тяжелейший путь реформирования, смогло адаптироваться к предложенным временем условиям. Во-первых, из дотационного книгоиздание превратилось в самокупаемое. Во-вторых, вместо монопольного господства на рынке печатной продукции оно вынуждено было найти свою нишу, определив круг пользователей и масштаб потребностей этих пользователей.

Браиловский С. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. № 9. С. 1–37; № 10. С. 242–286.

Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. СПб., 1868. Т. 1; 1880. Т. 4; 1897. Т. 5; 1883. Т. 6; 1901. Т. 10; 1907. Т. 15; 1915. Т. 18; 1908. Т. 20; 1913. Т. 21; 1914. Т. 22; 1911. Т. 23; 1913. Т. 29; 1915. Т. 32; 1912. Т. 34; 1910. Т. 39.

ПСЗ. Т. 4. СПб., 1832.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания российской империи. СПб., 1876. Т. 4; 1889. Т. 6; 1890. Т. 7.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800. Т. 1–5. М., 1962–1975.

Смолич И. К. История русской церкви, 1700–1917. М., 1996. Ч. 1.

Статья поступила в редакцию 17.06.2010 г.